

DOI 10.15826/izv2.2021.23.1.006
УДК 94(470)“1920” + 94(438)“1920” +
+ 335.082 + 355.433.61

Петр Глушковский
Варшавский университет
Варшава, Польша

ПОЗИЦИЯ РУССКОГО ОФИЦЕРСТВА В УСЛОВИЯХ СОВЕТСКО-ПОЛЬСКОЙ ВОЙНЫ 1920 г. ПО МЕМУАРАМ В. В. САВИНКОВА

Советско-польская война 1920 г. является ключевым событием в истории Польши XX в. и польско-русских отношений. Несмотря на значительное количество работ, в этой теме до сих пор имеются многочисленные пробелы. Одной из проблем, не получивших достаточного освещения, является поведение русского офицерства в условиях советско-польской войны. Этой теме и посвящена данная статья, основным источником для которой послужили воспоминания Виктора Савинкова.

Виктор Викторович Савинков (1886–1954) — российский публицист, писатель, художник; младший брат известного писателя и революционера Бориса Савинкова. Во время Гражданской войны В. В. Савинков сражался в рядах Донской армии. В начале 1920 г. он попал в плен к красным и, приняв их предложение, перешел на сторону советской власти и стал служить в Красной армии. Большевики неоднократно предлагали В. Савинкову вступить в ряды коммунистической партии, но он всегда отказывался, так как это противоречило его политическим и идейным взглядам. В статье показано, каким образом ему удавалось скрывать свои политические взгляды, как он относился к новой советской власти и как ему удалось сбежать от большевиков во время советско-польской войны. В статье описаны также условия наступления Красной армии на Варшаву, показаны настроения и поведение солдат в период военных действий. Мемуары Виктора Савинкова позволяют исследовать умонастроения и положение офицеров и солдат бывшей русской армии, вынужденных служить в Красной армии.

Ключевые слова: Виктор Савинков; Красная армия; советско-польская война 1920 г.; русское офицерство; белая эмиграция

Цитирование: Глушковский П. Позиция русского офицерства в условиях советско-польской войны 1920 г. по мемуарам В. В. Савинкова // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2021. Т. 23, № 1. С. 86–98. <https://doi.org/10.15826/izv2.2021.23.1.006>

*Поступила в редакцию: 21.11.2020
Принята к печати: 22.01.2021*

Piotr Głuszkowski*University of Warsaw*
Warsaw, Poland

ATTITUDES OF RUSSIAN OFFICERS IN THE CONDITIONS OF THE POLISH-SOVIET WAR OF 1920 BASED ON SAVINKOV'S MEMOIRS

The Polish-Soviet War of 1920 is a key period to understanding the history of Poland as well as Polish-Russian relationships. Despite the amount of research on the topic, there are still many gaps to be filled. One of them is the attitudes and behaviour of Russian officers in war conditions. The main source for this article is Viktor Savinkov's memoirs written in 1927 and kept in the State Archive of the Russian Federation.

Viktor Viktorovich Savinkov (1886–1954) was a Russian publicist, writer, and artist; younger brother of Boris Savinkov, a famous writer and revolutionist. During the Russian Civil War, he was a soldier of the Don Army. In early 1920, he was captured by the Bolsheviks and offered to join the Red Army. The article characterises the way Savinkov was concealing his socio-political views, expressing his attitudes towards new authorities, and how he managed to desert during the Polish-Soviet war. The conditions of the offensive of the Red Army on Warsaw are also described in the memoirs, including the sentiments and behaviour of the soldiers. Savinkov's memoirs make it possible to study the behaviour of other officers and soldiers of the former Russian army, who had been forced to serve in the Red Army.

Key words: Viktor Savinkov; Red Army; Soviet-Polish War of 1920; Russian officers; White emigration

For citation: Głuszkowski, P. (2021). Pozitsiia russkogo ofitserstva v usloviakh sovetsko-pol'skoi voiny 1920 g. po memuaram V. V. Savinkova [Attitudes of Russian Officers in the Conditions of the Polish-Soviet War of 1920 Based on Savinkov's Memoirs]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 23(1), 86–98. <https://doi.org/10.15826/izv2.2021.23.1.006>

*Submitted: 21.11.2020**Accepted: 22.01.2021*

Виктор Викторович Савинков (1886–1954) — российский художник, писатель, публицист, офицер и политический деятель, несмотря на свои многочисленные литературные труды оставшийся практически забытым историками литературы. Виктор Савинков упоминается в научной литературе прежде всего как младший брат Бориса Викторовича Савинкова — российского писателя и политического деятеля, который в свое время был одним из самых известных террористов в Российской империи.

В 1920 г. В. В. Савинков был насильно записан в Красную армию и отправлен на Западный фронт. В данной статье я отвечу на вопрос: как красные заставили его принять участие в советско-польской войне и каким образом он

маскировал свои настоящие политические взгляды. Я также постараюсь показать, как Савинков чувствовал себя во враждебной ему среде, как он относился к большевистскому строю, как ему удалось бежать из Красной армии и попасть в польский плен.

Советско-польская война 1920 г. привлекала внимание многих исследователей. По идеологическим причинам до 1990-х гг. по этой теме вышло очень мало объективных работ как в Польше и в СССР, так и на Западе. На такую ситуацию повлияло и то, что доступ к архивам для многих исследователей был долгое время ограничен. С началом 1990-х гг. идеология перестала быть препятствием для изучения этой непростой темы. Появилась и возможность пользоваться новыми источниками, в том числе архивом русской эмиграции, хранящимся в Государственном архиве Российской Федерации.

На рубеже XX–XXI вв. война между Польшей и большевистской Россией рассматривалась прежде всего с точки зрения изучения военной и политической проблематики [Мельтюхов; Davies; Nowak]. В течение последних лет особый интерес российских и польских исследователей вызывал вопрос о позиции русского офицерства в советско-польской войне 1920 г. Тема же поведения отдельных людей, особенно тех, кто принадлежал творческой среде, оказывалась второстепенной. Воспоминания Виктора Савинкова — этот неизвестный широкому кругу историков источник — показывают судьбу и деятельность русской интеллигенции во время Гражданской войны. С точки зрения истории советско-польской войны, его воспоминания являются уникальным свидетельством, показывающим обе стороны фронта в разные моменты войны: тыл Красной армии, наступление Тухачевского, положение красноармейцев в польском плену, деятельность антисоветской армии Булак-Балаховича. Этот источник привлек мое внимание также и потому, что Виктор Савинков был в центре всех событий русской эмиграции конца 1920–1921 гг. Для меня как литературоведа важно было также литературное дарование Виктора Савинкова, который как писатель не уступает своему более известному брату.

Виктор Савинков родился 27 ноября 1886 г.¹ в Варшаве. Он был одним из шестерых детей (Александр, Борис, Виктор, Вера, Надежда, София) [Архипов, с. 104] российского адвоката Виктора Савинкова и Софьи Александровны Ярошенко, происходившей из генеральской зажиточной семьи². Отец Савинкова работал в Министерстве юстиции в столице Королевства Польского, куда попал практически в ссылку за свои либеральные убеждения [Kowalczyk, s. 9]. Мать, которая получила очень хорошее воспитание и обладала литературным талантом, занималась домашним образованием детей. Стоит подчеркнуть, что на рубеже веков С. А. Савинкова издала много литературных трудов (некоторые под псевдонимом С. А. Шевиль) [Савинкова, 1906; 1918], высоко оцененных литературной критикой.

¹ По некоторым источникам 6 декабря 1886 г.

² Ее брат — Николай Александрович Ярошенко — известный русский портретист и живописец.

Все дети Савиновых были воспитаны в очень либеральном духе, что, по мнению многих биографов Бориса Савинкова, повлияло на их дальнейшую судьбу [Kowalczyk, s. 10–20]. Борис и Александр были арестованы и сосланы в начале XX в. за свои идеологические и политические воззрения и антигосударственную деятельность. У Виктора были схожие со старшими братьями политические взгляды, о чем свидетельствует его участие в варшавских забастовках и манифестациях во время революции 1905 г. [Grajewska, s. 196].

В 1905 г. Виктор Савинков поступил в Петербургский университет, который не закончил из-за плохого состояния здоровья. Несколько раз он прерывал занятия и уезжал за границу. До Первой мировой войны он многократно бывал на европейских курортах из-за подозрения на чахотку, но всегда возвращался в Петербург, чтобы продолжить обучение живописи. В 1910-е гг. Виктор Савинков вошел в художественную группу «Бубновый валет». Его картины выставлялись в городах России, в том числе в Москве (1910–1916) и в Петербурге (1913). Без сомнения, это был талантливый художник, а его работы однажды даже были приняты за картины знаменитого Пикассо [Морозова, с. 334].

Во время Первой мировой войны В. Савинков не мог заниматься живописью по многим причинам (развод с женой и переезд к родственникам, финансовые проблемы, угроза призыва). В 1915 г. он решил поступить добровольцем в русскую армию. В 1916 г. его определили в Константиновское артиллерийское училище в Москве, после окончания которого он был переведен в первую запасную артиллерийскую бригаду [Симонова, с. 503].

Во время Февральской революции В. Савинков долго колебался и не знал, какую сторону принять. В своих записках он отметил: «Военный бунт во время войны мне казался делом преступным, возможность революции мне и в голову не приходила, но в то же время мои убеждения не позволяли мне принять участие в подавлении того самого бунта, который я считал преступным» [Савинков 2019г, с. 450].

В апреле 1917 г. Савинков-младший был направлен на Румынский фронт, а затем служил в Минске в IV политическом отделении штаба Западного фронта [Морозова, с. 338].

После Октябрьского переворота Савинков сначала отправился на Дон, где поступил в партизанский отряд полковника Семилетова. С большевиками он сражался также в сводно-партизанской дивизии, служил в донском Министерстве земледелия и землеустройства и планировал поступить в тяжелую морскую артиллерию. После поражения белых он не успел эвакуироваться. Вместе со своим отрядом Виктор Савинков в Новороссийске попал в плен, где ему предложили сформировать гаубичную батарею в составе Красной армии. Командир красной бригады обратился к Савинкову и остальным офицерам его батареи с речью: «Мы знаем, что Вы сражались из любви к России. Из любви к ней Вы теперь пойдете с нами, так [как] наше дело, русское дело» [Савинков, 2019а, с. 696]. Белые офицеры знали, что если они откажутся, их расстреляют. У них не было выбора. Как опытные солдаты, они прекрасно отдавали себе отчет

в том, что им повезло, потому что большинство белогвардейцев, оказавшихся в плену, были убиты [Pipes, s. 280–320]. Они согласились с этим предложением, чтобы впоследствии использовать сформированную батарею против красных или просто бежать из армии в любой удобный момент. Им действительно повезло, потому что Красная армия редко формировала батареи полностью из пленных, особенно если это были казаки. Когда через несколько недель Савинков рассказывал эту историю своим близким, «никому не хотелось в это верить. Наше новороссийское пленение казалось всем сказкой» [Савинков, 2019а, с. 726].

Как замечает Виктор Савинков, в первые дни после перехода в Красную армию никто их не трогал и не обращал на них особого внимания. Он был приятно удивлен порядком, который удалось наладить большевикам в Новороссийске, и даже подчеркивал, что начал задумываться о том, насколько большевистская Россия является продолжением его родины, а Красная армия — преемницей царской армии. Такие вопросы мучили не только Савинкова, но и многих других белых офицеров, которые мечтали об окончании Гражданской войны. «Это было совсем не то, чего мы ожидали, и мы диву давались. Понемногу возвращалась радость жизни, и казалось, что красные и на самом деле не то, за что мы их считали <...> поэтому мы в большинстве совершенно искренне перешли на сторону большевиков» [Там же, с. 699]. С другой стороны, Савинков подчеркивал: «...мы все-таки оставались белыми, и сердце невольно напоминало нам славные бои на Хопре» против большевиков [Там же, с. 702].

Однако уже после нескольких недель, проведенных в Красной армии, Савинков знал, что большевики обманывают не только их, но и всех жителей России. И, несмотря на то, что условия жизни у большевиков были относительно хорошими, он констатировал: «Жизнь в Красной армии для нас для всех становилась совершенно нестерпимой: это постоянная проповедь самых хамских взглядов, проповедь, производимая действительно дураками, которых не презирать казаки не могли. <...> ...это был дух большевизма, тлетворный, насильнический, стремящийся к обращению человека в безусловную скотину» [Там же, с. 711]. Как замечает Савинков, ни он, ни остальные солдаты его батареи не сомневались в том, что надо как можно скорее бежать от большевиков. Весной 1920 г. на Кубани, которая была полностью занята красными, это было невозможно. Поэтому они решили создать в своей бригаде конспиративную антибольшевистскую организацию. Первоначально она не ставила себе никаких боевых целей, но ее члены должны были быть готовы в подходящий момент устроить массовый побег из армии. В организацию были приглашены только самые надежные люди (бывшие белые офицеры и казаки), которые в целях безопасности были сформированы по принципу тройки и не знали остальных членов конспирации [Там же]. Это было очень важно, потому что большевистские власти быстро решили добавить в батарею «надежный элемент», т. е. так называемых колчаковцев — бойцов, сражавшихся против армии Колчака. Как заметил Савинков, «все старания... сделать у нас комячейку не привели

у нас ни к чему, поэтому решили прямо всунуть целую комячейку; своего рода дрожжи — авось тесто подымется» [Савинков, 2019а, с. 712].

Савинков на каждом шагу замечал, что красные разрушают его мир и уничтожают Россию. Он с удивлением наблюдал, что даже казачки, которые до сих пор, несмотря на ситуацию и обстоятельства, вели себя гордо и нравственно, теперь присоединились к общему разврату. Ему было очень больно смотреть, как они изменяли своим мужьям и вели себя, как будто пришел конец истории. По его мнению, это была настоящая карнавализация действительности. Он понимал, что многие хотели прожить эти времена достойно, но не все выдерживали эту напряженную обстановку. Даже если у него были какие-то сомнения насчет красных, они исчезли, когда он попал в Новочеркасск, откуда его дивизия должна была быть переброшена поездом на польский фронт. Ожидая переполненных поездов, он решил пойти в буфет. Вокзал был забит солдатами, которые «лузгали семечки, шатались, ругались, курили — все как полагается» [Там же, с. 723]. Рядом с буфетом находилось помещение культпросвета, из которого он слышал полонез Шопена:

В культпросвете гремел рояль. Играли «Полонез» Шопена. Играли хорошо, по-настоящему. Я подошел к роялю, но ничего увидеть не мог, за густой толпой серых шинелей и гимнастерок. Солдаты молча щелкали семечки. На иных лицах было написано равнодушие, на других изумленное восхищение. Иногда, вполголоса, раздавались возгласы: «Ну и шпарит! Ишь-ты, до чего ловко!» и т. п.: восхищались необыкновенной быстротой пальцев. Что касается самой музыки, то она впечатления не производила: гармония понятнее. Долго солдаты не стояли: послушают немного и отходят; одни — безучастно, другие — качая головой: «Ишь-ты». Иногда слово «буржуй» в такой приблизительно фразе: «чего только эти буржуи не выдумают», или вроде [Там же].

Когда Савинкову удалось подойти к роялю, он увидел, что на нем играет дама лет 45, «настоящая музыкантша, каких у нас на Руси, променявших эстраду на домашний очаг, было сколько угодно, играла, может быть, на собственном своем рояле, реквизированном у нее для этого культпросвета. Это было совершенно нелепо: на что солдатам такая музыка; на что им рояль? Что им до Шопена» [Там же]. Если до этого момента у Савинкова и были какие-то сомнения насчет большевиков и дальнейшей судьбы России, тут он окончательно понял, что красные уничтожают его Россию, и он не сможет остаться красным до конца жизни.

Были дни, когда Савинков для развлечения начинал с большевиками опасную игру. Он удивлялся, сколько недалеких людей занимают руководящие посты в Красной армии. Хорошим примером этого были все собрания комячейки, на которые приглашали бывших белых. На одном из них Савинков решился взять слово и полушутя-полусерьезно рассказал общую теорию политической экономии, которую, по его мнению, знает любой образованный человек. После его речи, удивленный его красноречием и остроумием комиссар дивизиона Хвостенко предложил Савинкову прочитать в комячейке несколько докладов

по политической экономии. «Я согласился, хотя вспомнить старое без всяких пособий под руками было трудно: но агитировать против большевиков в самой комячейке, да еще так, что они сами этого понимать не будут — что может быть пикантнее» [Савинков, 2019а, с. 717]. Во время боев с поляками в августе 1920 г. Савинков еще более рисковал, когда переводил для командира дивизиона показания пленных поляков и нарочно не передавал всей информации своим начальникам. Заодно он пытался между словами перевода подсказать полякам, как можно быстро бежать из плена [Савинков, 2019в, с. 795].

Из воспоминаний видно, что пребывание Савинкова в Красной армии было одной непрерывной игрой. Его семья, прошлое, но прежде всего идеологические взгляды вызывали большие подозрения у красных. Поэтому они прилагали особые усилия, чтобы его демаскировать, «открыть настоящего» Савинкова. Несколько раз он был вынужден отказаться от вступления в ряды большевистской партии. Несмотря на то, что ему обещали, что как большевик он сможет быстро стать инспектором артиллерии армии, комендантом дивизиона или занять другой важный руководящий пост, он последовательно отказывался. «Заманчивые» предложения он получал и тогда, когда был на юге России, и уже во время похода на Польшу. Ему даже обещали сократить срок кандидатства в партии до абсолютного минимума — одного месяца. Савинков был последовательным в своей стратегии: всегда благодарил за заманчивые предложения, но ссылаясь на свои политические убеждения, которые не позволяли ему стать членом никакой партии — даже «самой лучшей». Он официально заявлял, что является анархистом-индивидуалистом и, используя свою эрудицию, толковал, что понимает под этим многозначным понятием [Савинков, 2019а, с. 699; 2019в, с. 741, 777]. Во второй половине 1920-х гг. почти 15 000 офицеров, служивших раньше в белогвардейских формированиях, перешли на сторону красных [Ефимов, с. 107]. Большевики нуждались в опытных кадрах, особенно, когда состав Красной армии увеличился до 5,5 млн солдат.

С каждым днем Савинков все более убеждался, что он должен бежать. Поведение красноармейцев было ужасным, и многие казаки, которые раньше задумывались о том, чтобы связать свое будущее с новой властью, столкнувшись с многочисленными примерами разврата и грабежей солдат Красной армии, изменили мнение: «Казаки наши затаили ненависть и бешенство. Рассказывая мне про этот грабеж, они стискивали зубы и кулаки и говорили: *настанет и наше времешко — мы им покажем*» [Савинков, 2019а, с. 731]. С другой стороны, многие бывшие белые поддались пропаганде большевиков и начали смотреть на большевистскую Россию как на преемницу Российской империи. Практически на каждом шагу Савинков удивлялся, как много бывших офицеров царской армии возглавляет Красную армию. Одни из них вступили в ряды большевиков из-за политических убеждений, другие из страха за будущее или свою семью, но значительная часть начала верить в иллюзию: «Россия, да и только; не белая, не красная, а подлинная мать-Россия, только взволнованная и беспорядочная; вот пройдет месяц, два, все уляжется и начнется новая, хорошая жизнь; исчезнут

крайности красных, исчезнут черносотенные бредни белых и Россия понемногу начнет оправляться» [Савинков, 2019а, с. 706]. Имел значение также пример сверху, а точнее — письмо генерала Алексея Алексеевича Брусилова от 30 мая 1920 г., в котором известный герой Первой мировой войны обращался ко всем русским солдатам, прося забыть о своей ненависти к красным и добровольно вступить в Красную армию для борьбы с «белополяками» во имя своей родины [Ростунов, с. 203]³.

Множество офицеров откликнулось и совершенно искренне, как я уже упоминал, пошло драться против Польши, воображая, что совершает этим патриотический подвиг, тем более ценный, что преодолевает личное отвращение к красным и на «алтарь отечества» приносится не только самый «живот», но еще и брезгливость, ненависть, отвращение и пр., питаемые к красным [Савинков, 2019а, с. 735].

Без сомнения, в 1920 г. в армии большевиков множество солдат, особенно офицеров, были бывшими белыми. Неслучайно Красную армию сравнивали с редиской — «Сверху красная, а внутри белая» [Там же, с. 730]. Савинков пришел к выводу, что все, кто был в белогвардейских формированиях не случайно, а согласно своим убеждениям и мировоззрению, никогда не смогут искренне стать красными [Там же].

Виктор Савинков ждал только подходящего момента, чтобы бежать. Когда руководство армии решило передислоцировать его 33-ю дивизию ближе к местам боевых действий с Польшей, он понял, что как раз на Западном фронте можно попытаться бежать вместе со своими товарищами. Не только он, но и другие члены батареи хорошо знали, что бегство в одиночку можно совершить намного легче, но в итоге за их товарищами из батареи комиссары будут следить более бдительно [Smoliński, s. 161–162]⁴. Эти мысли возникали у Савинкова особенно часто во время похода на Варшаву, когда появлялась возможность перейти на сторону поляков, как, например, 14 июля, когда он поехал на разведку: «Я смотрел вдоль шоссе: так легко сесть на коня и уехать <...> Верста, две — и ушел от красных. Соблазн ужасный, но сзади батарея, которой я обещал, что уйду без нее только в том случае, если иначе будет невозможно уйти никак, а будет необходимо: страшно подвести и офицеров и друзей-казаков» [Савинков, 2019в, с. 758]. Из бывшей батареи Савинкова только один казак решился бежать до вступления в бои с поляками. Это было исключением, потому что дезертирство в 1920 г. было массовым, несмотря на строгие меры ЧК и успехи Красной армии в борьбе с поляками до 15 августа [Кривошеев, с. 94; Левшин].

³ Обращение было опубликовано в газете «Правда» и произвело сильное впечатление на бывших белых офицеров. Ряды Красной армии пополнились несколькими тысячами опытных солдат. После поражения большевиков в Польше Брусилов во второй раз обратился к солдатам русской армии с призывом вступить в ряды Красной армии.

⁴ Из времен советско-польской войны известно несколько примеров перехода почти целой бригады на сторону поляков. Например, 600 казаков из 3-й бригады 14-й кавалерийской дивизии, которые потом служили в польской армии под руководством есаула Вадима Яковлева.

Бежать из Красной армии всем формированием было задачей довольно сложной. Бригада Савинкова долго не была на первой линии фронта, потому что руководство не доверяло казакам, массово переходящим на сторону Польши [Kasprzyski, s. 217–221]. Только 4 июля в районе Плиссы и Кривичей (совр. Белоруссия) их батарею встретил польский огонь. Как видно из мемуаров, план действия членов подпольной белой организации был простой — использовать панику и как можно быстрее бежать целой батареей: «Нам хотелось всем уйти от красных в первый же день боя с тем, чтобы завтра открыть против них огонь» [Савинков, 2019в, с. 750]. Однако польская армия слишком быстро ушла — польских солдат в районе поселка Кривичи было слишком мало, чтобы долго сопротивляться вражеской армии: «Только нерешительность красных помешала разбить поляков на голову» [Там же].

У Савинкова не было сомнений, что многие солдаты Красной армии только и ждали подходящего момента для бегства и ни в коем случае не хотели победы большевиков. Он несколько раз наблюдал, как некоторые батареи нарочно вели стрельбу не по позициям поляков. Это не была обычная неумелая стрельба новых артиллеристов, которые пришли на фронт прямо после курсов. Савинков хорошо понимал, что это саботаж бывших белых офицеров, которые таким образом хотели продолжать Гражданскую войну. Ему тоже случилось стрелять по красной пехоте, выполняя приказание командира бригады [Там же, с. 761–762].

Самыми страшными для Савинкова были дни в начале августа, когда Красная армия победоносно приближалась к Варшаве, но ему все время не удавалось организовать побег своего формирования. 10 августа 1920 г. советская пропаганда объявляла, что Львов взят Семеном Михайловичем Буденным, а Варшава — Михаилом Николаевичем Тухачевским. Кроме того, Савинков видел, что с каждым днем комиссары следят за ним более внимательно. Он не хотел давать большевикам повод для особых подозрений, но за несколько месяцев у Савинкова появилось много врагов, которым не нравилось его поведение. Поэтому на территории Польши он в свободное время ограничивался прежде всего игрой в карты и другими типичными солдатскими развлечениями. Ни словом он не комментировал «взятие Варшавы», хотя чувствовал, что это блеф советской пропаганды, и польская армия скоро начнет контрнаступление. Его подозрения подтвердили поляки, попавшие в плен [Там же, с. 790, 801]. Виктор Савинков, несомненно, вызывал также особый интерес политруков в связи с бурной деятельностью своего брата Бориса в Польше, направленной на формирование антисоветских русских формирований [Frołow, s. 182]. Товарищи Савинкова 18 августа сообщили ему, что у солдат Красной армии были найдены антибольшевистские прокламации и другие «летучки», за которые новый комиссар дивизии решил «его арестовать во что бы то ни стало» [Савинков, 2019в, с. 801].

У Виктора Савинкова не было выбора. Он знал, что если в ближайшие дни не организует побег, будет арестован и, по всей видимости, расстрелян. 18 и 19 августа он отказался от предложения друга Кирсаныча «перерезать» усталых и сонных коммунистов и быстро бежать в сторону поляков. Во-первых,

Савинков не хотел убивать спящих большевиков, во-вторых, он не знал, в каком направлении нужно бежать. Его батарея временно располагалась между Насельском и Цехановом, принимая участие в борьбе за Сарны-Гуру (совр. Сарнова Гура). Во время отступления Красной армии и битвы за Сарны-Гуру началась паника и никто в дивизии Савинкова не знал расположения польской, да и своей армии. Савинков боялся во время бегства попасть в руки Гая Дмитриевича Гая или других отрядов Красной армии.

Савинков знал, что нельзя долго медлить с принятием решения и что хаос отступления и страх за собственную жизнь помогут ему в бегстве. Надо только использовать суматоху и усталость в армии. «Коммунисты так следили за нами, что не давали возможности ни на мгновение остаться вдвоем, втроем, без кого-либо из них. Лишь только увидят, что мы разговариваем — казаки ли, офицеры ли (это в особенности), как кто-нибудь из них тут как тут. Положительно ни о чем было не сговориться» [Савинков, 2019в, с. 804]. Несмотря на постоянное наблюдение, Савинкову удалось договориться с ближайшими друзьями о том, что они уедут на конях в группах по 4–6 человек без оружия, чтобы не вызывать подозрений [Там же].

Многие казаки и офицеры в последний момент не решились бежать. Они пришли к выводу, что их сердцу большевистская Россия все-таки ближе, чем жизнь в эмиграции. Решение об эмиграции всегда являлось очень сложным: перспективы жизни в чужой среде, брошенная семья и родина, а также надежда, что после захвата власти большевики не будут перестраивать всю страну и все как-то наладится, и т. д. Савинков бежал ночью с 20 на 21 августа с тремя друзьями. Продуманный план бегства, знание польского языка и немного счастья являлись залогом успеха. 23 августа Савинков вместе со своими товарищами сдался в польский плен хорунжему Пац-Помарнацкому, а два дня спустя он оказался в лагере для военнопленных в Рембертове (сегодня это район Варшавы). Оттуда он с пропуском пошел в Брюлевскую гостиницу в Варшаве, где располагалась штаб-квартира Русского политического комитета, председателем которого был его брат Борис.

Это не был конец мытарств Виктора Савинкова. Совместно с братом он пытался создать «Третью Россию». Он очень надеялся, что Польша победит Красную армию, и на развалинах родины им удастся построить идеальную Россию, которая не будет ни царской, ни большевистской [Nowak, s. 427–545]. Именно поэтому Виктор Савинков до рижского договора прилагал огромные усилия, чтобы создать сильную русскую армию под командованием генерала Станислава Николаевича Булак-Балаховича [Савинков, 2019б]. После рижского договора он был вынужден покинуть Польшу. Сначала он уехал в Чехословакию, в которой еще пытался продолжать борьбу против красных, а потом во Францию, где смирился с проигрышем и невозможностью постройки «Третьей России».

Подводя итог, можно резюмировать, что Виктору Савинкову, оказавшемуся в рядах Красной армии, удавалось долгое время скрывать свои настоящие

взгляды и ненависть к большевикам. Несмотря на попытки комиссаров записать его в коммунистическую партию, он всегда отвечал отказом и последовательно заявлял о себе как об анархисте-индивидуалисте. Он не сомневался, что не сможет жить в большевистской России — чужой для него стране и всю жизнь скрывать свои настоящие политические убеждения. Благодаря хорошо продуманному плану, Савинкову удалось вырваться из Красной армии и вплоть до 1921 г. продолжать вооруженную борьбу с красными. Мемуары Виктора Савинкова — это история не только его личной трагедии. Это также иллюстрация краха мечтаний и идей целого поколения русской интеллигенции, оказавшего сопротивление большевикам. В записках Савинкова отразилась история как русской эмиграции, вынужденной жить вне родины, так и тех русских людей, которые не решились уехать и были вынуждены скрывать свое взгляды и отношение к советской власти.

Источники

- Савинкова С. А.* Годы скорби (Воспоминания матери) // Былое. 1906. № 7. Июль.
Савинкова С. А. В годы старого режима. М. : Задруга, 1918.
Савинков В. В. Красные // Три брата (то, что было) / отв. ред. К. Н. Морозов, А. Ю. Морозова. М. : Новый хронограф, 2019а. С. 694–740.
Савинков В. В. Поход генерала Булак-Балаховича // Три брата (то, что было) / отв. ред. К. Н. Морозов, А. Ю. Морозова. М. : Новый хронограф, 2019б. С. 825–898.
Савинков В. В. Поход Красной армии на Варшаву // Три брата (то, что было) / отв. ред. К. Н. Морозов, А. Ю. Морозова. М. : Новый хронограф, 2019в. С. 740–825.
Савинков В. В. Разложение армии // Три брата (то, что было) / отв. ред. К. Н. Морозов, А. Ю. Морозова. М. : Новый хронограф, 2019г. С. 429–531.

Исследования

- Архипов И.* Борис Савинков: Террорист и литератор // Звезда. 2008. № 10. С. 104–137.
Ефимов Н. А. Командный состав Красной Армии // Гражданская война 1918–1921 / ред. А. Бубнов. М. : Воениздат, 1928. Т. 2. С. 91–109.
Кривошеев Г. Ф. О дезертирстве в Красной Армии // Военно-исторический журнал. 2001. № 6. С. 94.
Левшин К. В. Причины дезертирства в Красной Армии // Новейшая история России. 2011. № 2. С. 73–79.
Мельтюхов М. И. Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг. М. : Вече, 2001.
Морозова А. Ю. В тени старшего брата: Виктор Савинков // Историк и Художник : сб. воспоминаний и статей памяти профессора Сергея Сергеевича Секиринского / отв. ред. Ю. А. Петров. М. : Ин-т рос. истории, 2013. С. 336–352.
Ростунов И. И. Генерал Брусилов. М. : Воениздат, 1964.
Симонова Т. М. В. В. Савинков // Общественная мысль русского зарубежья : энциклопедия / отв. ред. В. В. Журавлев. М. : РОССПЭН, 2009. С. 502–504.
Davies N. White Eagle, Red Star, the Polish-Soviet War, 1919–1920. London : Pimlico, 2003.
Frołow S. Bolszewicy i apostołowie, Osiem portretów. Wołowiec : Czarne, 2014.
Grajewska A. Od „piękności walki” do „odnowy duszy wspólnej”: Literatura w poszukiwaniu sensu rewolucji // Literatura polska wobec rewolucji / red. M. Janion. Warszawa : PIW, 1971. S. 192–252.

Kasprzycki R. Ucieczki do Polski żołnierzy z krajów sąsiednich w latach 1920–1939 // *Przegląd Nauk Historycznych*. 2017. R. XVI. № 1. S. 217–256.

Kowalczyk A. S. Sawinkow. Warszawa : Biblioteka Więzi, 2017.

Nowak A. Polska i Trzy Rosje. Studium polityki wschodniej Józefa Piłsudskiego (do kwietnia 1920 r.). Kraków : Arcana, 2001.

Pipes R. Rosja bolszewików / tłum. W. Jeżewski. Warszawa : Magnum, 2010.

Smoliński A. Dezercje w 1 Armii Konnej podczas jej walk na polskim teatrze działań wojennych w 1920 r. // *Studia i materiały do historii wojskowości*. 2008. T. 45. S. 159–182.

References

Arkhipov, I. (2008). Boris Savinkov: Terrorist i literator [Boris Savinkov: Terrorist and Writer]. *Zvezda*, 10, 104–137.

Davies, N. (2003). *White Eagle, Red Star, the Polish-Soviet War, 1919–20*. London: Pimlico.

Efimov, N. A. (1928). Komandnyi sostav Krasnoi Armii [Command Staff of the Red Army]. In A. Bubnov (Ed.), *Grazhdanskaia voina 1918–1921* [Civil War 1918–1921] (Vol. 2, pp. 91–1097). Moscow: Voienizdat.

Frołow, S. (2014). *Bolszewicy i apostołowie, Osiem portretów* [Bolsheviks and Apostles, Eight Portraits]. Wołowiec: Czarne.

Grajewska, A. (1971). Od „piękności walki” do „odnowy duszy wspólnej”: Literatura w poszukiwaniu sensu rewolucji [From “the Beauty of Fight” to “the Renewal of Common Spirit”. Literature in Search of the Meaning of the Revolution]. In M. Janion (Ed.), *Literatura polska wobec rewolucji* [Polish Literature in the Face of the Revolution] (pp. 192–252). Warszawa: PIW.

Kasprzycki, R. (2017). Ucieczki do Polski żołnierzy z krajów sąsiednich w latach 1920–1939 [Escapes to Poland of Soldiers from Neighbouring Countries in 1920–1939]. *Przegląd Nauk Historycznych*, XVI(1), 217–256.

Kowalczyk, A. S. (2017). *Sawinkow*. Warszawa: Biblioteka Więzi.

Krivosheiev, G. F. (2001). O dezertirstve v Krasnoi Armii [Desertion in the Red Army]. *Voyenno-istoricheskii zhurnal*, 6, 94.

Levshin, K. V. (2011). Prichiny dezertirstva v Krasnoi Armii [Reasons for Desertion in the Red Army]. *Noveishaia istoriia Rossii*, 2, 73–79.

Mel'tiukhov, M. I. (2001). *Sovetsko-pol'skiiie voyny. Voienno-politicheskoe protivostoianie 1918–1939 gg.* [Soviet-Polish Wars. Military-Political Confrontation 1918–1939]. Moscow: Veche.

Morozova, A. Yu. (2013). V teni starshego brata: Viktor Savinkov [In the Shadow of an Older Brother: Viktor Savinkov]. In Yu. A. Petrov (Ed.), *Istoriik i Khudozhnik: sbornik vospominanii i statei pamiati professora Sergeia Sergeievicha Sekirinskogo* [Historian and Artist. Collection of Memoirs and Articles in Memory of Professor Sergei Sergeevich Sekirinsky] (pp. 336–352). Moscow: Institute of the Russian History.

Nowak, A. (2001). *Polska i Trzy Rosje. Studium polityki wschodniej Józefa Piłsudskiego (do kwietnia 1920 r.)* [Poland and Three Russias. Study of Eastern Politics by Józef Piłsudski (until April 1920)]. Krakow: Arcana.

Pipes, R. (2010). *Rosja bolszewików* [Russia Under the Bolshevik Regime]. Warszawa: Magnum.

Rostunov, I. I. (1964). *General Brusilov*. Moscow: Voienizdat.

Simonova, T. M. (2009). V. V. Savinkov. In V. V. Zhuravlev (Ed.), *Obshchestvennaia mysl' russkogo zarubezh'ia: entsiklopediia* [Social Thought of the Russian Diaspora: Encyclopaedia] (pp. 502–504). Moscow: ROSSPEN.

Smoliński, A. (2008). Dezercje w 1 Armii Konnej podczas jej walk na polskim teatrze działań wojennych w 1920 r. [Desertions in the 1st Cavalry Army during its Battles in the Polish Theatre of Military Operations in 1920]. *Studia i materiały do historii wojskowości*, 45, 159–182.

Глушковский Петр

кандидат исторических наук, адъюнкт
кафедры русистики
Варшавский университет
ul. Szturmowa, 4
02-678 Warszawa, Польша
E-mail: p.gluszkowski@uw.edu.pl

Gluszkowski, Piotr

PhD (History), Adjunct
Institute of Russian Studies
University of Warsaw
4, Szturmowa ul., 02-678 Warsaw, Poland
Email: p.gluszkowski@uw.edu.pl
<https://orcid.org/0000-0002-6820-7302>